

МЕСТЬ, ВРАЖДА, ЗАКОН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ)

М. С.-Г. АЛБОГАЧИЕВА

Кровная месть — один из древнейших институтов, обеспечивающих защиту чести, достоинства и имущества рода, сложившийся в догосударственных общественных структурах. Но и сегодня кровная месть еще сохранилась на территории России, преимущественно у народов Северного Кавказа: Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни. Между тем убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются не только в регионах Российской Федерации, но и во многих странах мира, например, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, в Японии, в странах Ближнего Востока. Этот древний обычай общинно-родового строя бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Татарстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана.

Кровная месть изначально являлась механизмом реагирования на нарушение социальных установлений, предотвращала многие инциденты, потому что человек рассматривался не сам по себе, а как часть «целого». Объект посягательства перемещался с человека на родовые отношения, внутри которых находился данный индивид. Этот обычай исполнял роль социального института, регулировавшего взаимоотношения между членами общины, — предотвращал преступления и наказывал преступников. Он в известной степени поддерживал общественный порядок, социальную справедливость и равенство, предотвращая распространение в обществе произвола и анархии. Общинное сознание оберегало интересы своей группы, мобилизуя его членов к защите одного из них и требуя победы своих, до полного истребления врагов, или признания ими своего поражения и подчинения победившим

[1, 113]. Смысл кровной мести не в самом физическом уничтожении противника, а в том, чтобы заставить ценить и уважать жизнь. Месть имеет императивный характер потому, что она является ответным актом за содеянное преступление. Месть представляет собой «двусторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробида, и начальное отношение переворачивается: теперь оскорбленный становится оскорбителем, и наоборот. Таким образом, месть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество [2, 174].

У ингушей обычай кровной мести (ингуш. *чир, пха, дов*) существовал в прошлые времена и сохраняется отчасти в современном обществе. Шотландские миссионеры, занимавшиеся в 1822 г. проповедческой деятельностью среди ингушей, отмечали: «Между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмщения в том за родственника своего или приятеля» [3, 19-19об.]. Убийство, даже совершенное по неосторожности, непременно порождало другое, так как родственники убитого мстили за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется *кровной местью* или *кровной враждой*, а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, — *кровниками* или *состоящими в кровной вражде* (инг. *довхой*).

Кровную месть способна вызвать не любая обида, а только та, которая по народным обычаям карается исключительно кровомщением. Естественно, что нормы обычного права у каждого народа свои, а следовательно, и причины возникновения кровной мести разные. Так, у ингушей,

помимо убийства, кровной мстью преследовались и другие действия — насилие, оскорбление личности, рубка грушевого дерева (в период язычества), насилие в отношении женщины или гостя, увечье, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние с замужней женщиной, соблазнение незамужней, похищение девушки без ее согласия с целью вступления в брак. Ф.И. Леонтович писал, что дела эти возбуждают у ингушей самые сильные страсти, отуманивают их горячие головы и побуждают их на самые отчаянные и кровавые преступления [4, 148]. «Ингуши считают оскорбление словом самым чувствительным из оскорблений и мстят за это вплоть до смерти того, кто произнес оскорбление. Они из-за пустяка могут вспылить в разговоре, но легко успокаиваются. Их пыл проявляется открыто, без малейшего притворства. Презрение к жизни рассматривается как доблесть, а малейшее проявление страха — как величайший позор. Они предпочитают смерть плену» [5, 342]. Слово у ингушей считается наиболее опасным оружием, «пуля разит одного, а язык девятерых», говорят в народе.

Необходимо отметить и еще одну очень важную деталь, характерную для кровомщения, — оно распространяется только в отношении тех народов, у которых данный обычай бытует. После экспедиционных поездок в Ингушетию в 1919-1921 гг. Н.Ф. Яковлев посвятил кровной мести две большие главы в своем основательном труде «Ингуши» [6, 16]. Он отмечает, что «в ингуша глубоко внедрился взгляд, что другой, такой же, как и он, ингуш не может насильственно навязывать ему ничего, что стеснило бы его свободу, или тем более причинило ему ущерб. В противном случае насильник должен понести кровную ответственность перед обиженным <...> кровная мсть у ингушей на русских не распространялась. Наоборот, со своими старыми соседями-горцами: осетинами, чеченцами и даже кабардинцами — ингуши считались родством, водили дружбу (куначество), а при случае расплачивались кровной мстью» [7, 116].

Кровная мсть имеет свои правила, и с годами они менялись, дополнялись или кардинально реформировались.

Как противоправный, антиобщественный обычай, кровомщение вызывало тревогу у местного населения. Активную борьбу с этим злом стали вести самого начала XX в. Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор по искоренению существующего в обществе обычая кровной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана, и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 года, а по могущим впредь возникнуть столкновениям примириться в месячный срок. Для примирения был избран медиаторский суд, состоявший из 4-6 медиаторов из числа выборных, под председательством муллы того селения, к которому принадлежит убитый или раненый. В случае возникновения жалоб дело примирения должно было быть пересмотрено советом медиаторов от всего округа при участии не более трех медиаторов от каждого участка, приглашенных сторонами, под председательством народного кадия и при участии муллы или мулл селений, к которым принадлежат примиряющиеся стороны. Совет медиаторов являлся высшей инстанцией для обжалования, и решения его были безапелляционны. Жалобы на неправильное решение медиаторского суда должны были передаваться на рассмотрение народному кадию в недельный срок со дня постановления. Лица, не подчинившиеся всенародному решению, должны были высылаться из пределов округа и области в отдаленные губернии навсегда с семьями и исключаться из списков своего села [8, 3]. Приговоры ингушского общества имели существенные результаты, были достигнуты перемирия между многими кровниками. Однако в это смутное время трудно было достигнуть поставленной обществом

цели — обычай кровной мести оказался живучим, и в местной среде по-прежнему оставались семьи, состоявшие в непримиримой кровной вражде.

После установления советской власти в 1920 г. ингуши снова создали «комиссию по примирению». В задачи комиссии входило объехать все аулы Ингушетии и в каждом населенном пункте произвести примирения всех кровников. Комиссия привлекла к своей работе наиболее уважаемых местных жителей, духовенство и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Согласно обстоятельствам дела и обычаям, комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками. «После расследования всех обстоятельств дела и установления размеров «выплаты за кровь» комиссия организовывала сам обряд примирения, строго придерживаясь всех обычаев старины. Только строгое соблюдение адата должно было связать мстителей и обеспечить ответчиков от новой вспышки вражды. В противном случае мстители всегда могли бы сослаться на недействительность примирения и снова начать преследование убийцы» [9, 122].

Между тем, обычай кровной мести как наиболее архаичный и опасный вид преступления продолжал бытовать. Советское государство наряду с культурно-воспитательной работой вело борьбу с пережитками прошлого мерами уголовно-правового характера. «В 1928 году в уголовный кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203-204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном

кодексе, принятом в 1961 году» [10, 5]. Продолжая борьбу с духовенством 5 ноября 1928 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести». Постановление дополняло Уголовный кодекс Российской Федерации новой главой: «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта»: «В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. Примирительные комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести» [11, 141]. Распространялось постановление ВЦИКа «на автономные области, краевые (областные) объединения и губернии, в которых существовал обычай кровной мести» [12]. Однако работа указанной комиссии не принесла ощутимых результатов, так как местное население не рассматривало ее как компетентную инстанцию, способную разбирать вопросы мести с учетом местного адата и шариата. Такая ситуация сохранилась вплоть до выселения ингушей и чеченцев в Казахстан и Киргизию в 1944 г. Во время депортации кровники ходили вдоль эшелонов, искали своих «обидчиков» и прощали их. Но многие так и остались непрощенными, поэтому сразу после возвращения на родину чеченцев и ингушей, с 1957 г., в каждом районе Чечено-Ингушетии начали действовать примирительные комиссии. Это было не только государственным решением, но и волеизъявлением народа, так как после страшных испытаний, выпавших на долю народа в период ссылки, казалось, что лучше простить кровников и жить в мире, нежели враждовать, тем более что после возвращения многим кровникам приходилось жить рядом. Из полевых материалов следует, что в период депортации

народ был поставлен на грань выживания, и кровная месть «впала» в состояние амнезии. После возвращения органы власти попытались сделать все, чтобы не реанимировать институт кровной мести, но как показало время, не очень успешно.

Наглядно иллюстрируют работу комиссии по примирению кровников «Материалы примирительной комиссии по селению Сурхахи Назрановского района Чечено-Ингушской АССР», хранящиеся в фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова. Из видеоряда фотоальбома следует, какое большое значение придавалось этой работе. В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел — охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР, генерал внутренней службы III ранга М.П. Дроздов; председатель Республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев; председатель Президиума Верховного Совета ЧИ АССР по вопросу порядка проведения перемирия Ильяс Абдулаевич Алмазов [13]. Сколь основательна и масштабна была эта работа, можно судить и по уровню ее всесторонней подготовки. Так, специально для партработников, ответственных за решение этой проблемы в Чечено-Ингушской АССР, по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников» [14].

В эти комиссии входили авторитетные люди: старейшины, прокурор, начальник милиции, мулла. «Я был членом одной из таких комиссий, — вспоминает Муса Хадисов. — Мы вызывали кровников и с ними беседовали. Бывало, что они отказывались от кровной мести. За это их поощряли: давали машины вне очереди, выделяли земельные участки, могли продвинуть по службе» [15].

Советское государство умело использовало не только административный ресурс, но и гибко применяло Уголовный кодекс. «Была статья 231 в УК РСФСР 1960 года — «Уклонение от примирения». Вплоть до 1997 года это считалось преступлением, влекло до двух лет заключения. Применялась она в тех «автономных республиках,

автономных областях и других местностях РСФСР», где сохранялись «пережитки местных обычаев» (аналогичные положения содержались в кодексах некоторых бывших союзных республик). По этой статье наказывалось «уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести». Иными словами, традиционное примирение формально признавалось правовым институтом даже в эпоху всепроникающего советского официоза» [16]. Это был мощный рычаг давления на тех, кто не желал примириться.

Весь комплекс описанных мероприятий по примирению кровников превратил республику в весьма спокойный регион: по числу тяжких преступлений она была самой благополучной в Российской Федерации [17].

После распада СССР прежняя система административного и уголовного наказания была ликвидирована. Согласно ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса, отягчающим обстоятельством является совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. По сравнению с прежней формулировкой ст. 102 УК 1960 г. («убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни») в новый УК, как видно, внесены уточнения; кроме того, в этот пункт включено и убийство на почве кровной мести. В УК РСФСР это был самостоятельный пункт «к» ст. 102. В остальных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации его составители обошли данный вопрос как несуществующий.

Однако на местном уровне вопрос, как и прежде, остался актуальным, ему уделяется значительное внимание и местными органами власти, и духовенством, и обществом в целом. Как справедливо отмечает профессор Я.И. Гилинский, «в традиционных обществах, где сильны общинные формы социального контроля, многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, реша-

ются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин) и, видимо поэтому, показатели многих видов преступности на Северном Кавказе среди национальных субъектов Российской Федерации самые низкие. Так, в 2004 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане был 7,5; в Ингушетии — 9,3; в Кабардино-Балкарии — 10,5; в Адыгее — 11,9 при среднероссийском — 21,9. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью — в том же году был в Ингушетии — 5,3; Дагестане — 6,4; Кабардино-Балкарии — 13,2; Карачаево-Черкесии — 20,6 при среднем по России — 39,8. Уровень разбоев составлял в Ингушетии — 10,1; в Дагестане — 7,4; в Кабардино-Балкарии — 15,4 при среднероссийском — 38,5» [18, 100].

Статистика говорит сама за себя: на Кавказе еще сохраняют силу формы социального контроля антиобщественного поведения. Любой человек, совершивший аморальный поступок, будет подвергнут остракизму. Если семья будет поддерживать его, то и ее постигнет та же участь. В чем она выражается? С этими людьми не будут общаться, и даже когда они умрут, в последний путь их будут провожать только близкие родственники, без соответствующей похоронной обрядности с участием мюридов, родственников и друзей.

Живучесть обычая кровной мести вынуждает местные власти на государственном уровне создавать примирительные комиссии, выполняющие функции общественного регулятора. Так, с 6 сентября 1995 г. распоряжением Р.С. Аушева были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести, 15 сентября того же года утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести» [19, 307]. Эту работу продолжил М.М. Зязиков, а затем и нынешний президент Республики Ингушетия Юнус-бек Евкуров. Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в республике созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами самого общества решают эти сложные вопросы. При администрации Президента Республики

Ингушетия функционирует отдел по связям с общественностью, в функции которого среди прочих входит также и сбор сведений о кровниках. Начальник этого отдела Абдул-Азит Гудантов отметил, что «работа его отдела по примирению ведется совместно с Муфтием РИ, известными в республики алимами и уважаемыми старейшинами. А также в нужных местах подключаем родственников, которым трудно отказать в прощении крови, чиновников, которые способны своим служебным положением или авторитетом повлиять на прощение крови и, если необходимо, к переговорному процессу подключается президент Ю.-Б. Евкуров» [20].

Вместе с тем, по шариату, примирение — самое богоугодное деяние, и поэтому самую значительную, трудоемкую и ответственную часть работы берет на себя Духовное управление мусульман республики. Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в Муфтияте республики созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами общества решают эти сложные вопросы. Вся статистика по кровникам — неофициальная и не подлежит огласке. С материалами примирительных комиссий работает лично Муфтий Иса Хамхоев [13]. Нужно отметить, что работа ведется на общественных началах и никак не оплачивается.

В состав комиссии входят представители всех населенных пунктов республики — примерно по семь человек от каждого: это старейшины родов, духовные лидеры и почитаемые в народе люди независимо от их возраста. Члены примирительной комиссии ведут свою трудную и кропотливую работу годами, пока не добьются положительного результата. Практически в каждом населенном пункте есть люди, всю жизнь занимающиеся вопросами примирения, и поэтому их привлекают к этой работе, когда хотят получить положительный результат. Каждая семья имеет право выбора тех, кому она доверяет решать вопросы, связанные с примирением. Главная роль примирительных комиссий — разъяснительно-предупредительная.

Сумма откупа за убийство не так давно составляла 100000 руб., но 5 июня 2010 г. конференция мусульман Ингушетии приняла решение увеличить эту сумму до 1000000 руб. Почему ингушское общество решило, что увеличение размера откупа может дать положительный результат? Заместитель председателя примирительной комиссии Ингушетии, председатель примирительной комиссии по Малгобекскому району и городу Малгобек Алихан Ахметович Муцольгов в интервью прокомментировал это решение так: «Можно снизить убийства, которые совершаются водителями транспортных средств по халатности <...> Сумма откупа же станет не только бременем для виновного, но и подспорьем для семьи, которая потеряла кормильца. — Вопрос интервьюера: Бытует мнение, что закон кровной мести — сдерживающий фактор, что он жизненно необходим для Ингушетии. Ваше мнение созвучно с этим мнением? — А. М. — Любое мнение имеет право существовать, в том числе и озвученное Вами, которое действительно бытует. Сугубо мое мнение, как индивидуума, что это пережиток прошлого, когда кровь проливается и это никак не может считаться необходимостью» [21].

Примирение — богоугодное деяние, и поэтому члены примирительной комиссии и днем и ночью ищут слабые стороны каждого рода, чтобы потом использовать их для примирения кровников. Это необходимо для того, чтобы получить положительный результат. Ораторское мастерство, такт, знание местных адатов и шариата позволяет им решать многие кровные дела. Однако нужно отметить, что примирение часто происходит из-за того, что старшие рода и семьи решились на примирение во избежание кровопролития, даже если некоторые члены семьи не согласны. Это не обсуждается и не оглашается, так как еще сильны устои патриархального уклада ингушской семьи, где решение старшего — закон для младших. Для достижения положительного результата к переговорному процессу подключают авторитетных родственников по отцовской и по материн-

ской линии, которые смогут напрямую уговоривать и приводить различные доводы в пользу примирения.

Перед медиаторами стоит сложная задача, важна объективная оценка происходящего. В тех случаях, когда необходимо получить нужные сведения о ДТП, они обращаются в соответствующие структуры для объективной оценки случившегося.

Примирительная комиссия — орган по-своему бюрократический. Все акты примирения протоколируются. В них записывается и количество жертв кровной вражды. Жители села, где происходило примирение, ставят свои подписи как свидетели [22].

Члены примирительных комиссий являются знатоками как основ ислама, так и местных адатов. Смена адатных норм шариатскими в полной мере еще не завершена, это длительный процесс, к которому общество должно прийти самостоятельно, без экстренного реформирования системы правопорядка. Важно иметь в виду, что сближение шариата с адатом было обусловлено особенностями горского менталитета, так как здесь хранителями адатов являются старейшины, а хранителями шариата — кадий и знатоки мусульманского права и др. Нужно отметить и то, что между адатами ингушей и шариатом есть общие позиции в отношении мести, но вместе с тем есть и принципиальные отличия. Как отмечают исследователи, «основным принципом адата являлось применение принципа ответственности не по отношению к личности, а к тому коллективу, к которому она принадлежит» [1, 111]. Месть являлась особой формой самозащиты: чтобы не нарушить существовавшего ранее равновесия между родами, не стать слабее рода обидчика, род обиженного должен был или причинить враждебному роду равноценную обиду, или убить равноценного члена рода. Мстителю не интересовало, преднамеренно ли было совершено убийство или случайно, убит ли состоятельный горец или бедняк. Часто за кулака, который в обычное время вызывал неприязнь всего рода, кто эксплуатировал бедняков, они должны были мстить за его

смерть, рискуя своей жизнью [23, 127]. В отличие от адатного права, мусульманское признает только личную ответственность за любой вид преступления. По ингушским адатам кровную месть осуществлял кто-либо из членов семьи, рода, к которому принадлежал убитый, или племянники как по мужской, так и по женской линии. Но при необходимости мстить мог любой член тайпа [24, 108]. По шариату обязательство на месть распространяется только на сыновей, однако если покойный был бездетен — то на родных братьев убитого или племянников [25, 305]. Если трагедия произошла между близкими родственниками, то коллективная ответственность меньше: представитель жертвы по крови не может казнить своего близкого родственника по мужской линии, виновного в убийстве другого родственника по мужской линии (отец, сын, брат).

Кровная месть — принцип, согласно которому человек, совершивший убийство, либо кто-то из членов его семьи, рода, племени, обязательно должен быть лишен жизни в порядке возмездия, а не правосудия. Так, например, по саксонским обычаям кровная месть распространялась только на убийцу и его сыновей; по бургундским — только на самого убийцу. По Русской правде разрешалось мстить брату за брата, сыну за отца и т.п. [26] По адатам ингушей родственники убитого могли выбрать из рода убийцы любого человека, если не удавалось установить личность самого убийцы. Если совершено групповое убийство, то по ингушскому адату кровную месть могут объявить всем участникам преступления. Однако это адатное правило дополняется в настоящее время шариатскими законами. Согласно шариату, «кровником» может считаться лишь тот, кто является непосредственным исполнителем убийства, а соучастники, которые могли активно содействовать преступлению, не становятся объектами мести в Ингушетии.

Если кого-то подозревают в убийстве, он обязан принести очистительную присягу (*дув баа*). Присяга для ингушей имела и имеет огромное значение. Во всех спор-

ных вопросах, чтобы доказать свою невиновность, ингуши готовы были предстать перед народным судом или, если нужно, шариатским, где подсудимый может дать очистительную присягу — клятву на Коране. Даже если клятва ложная, давший ее освобождается от ответственности за преступление. Ингуши считают, что человек все равно получит свое наказание или в этой, или в будущей жизни.

По шариату клятва принимается только от обвиняемого, а по местным адатам во время принесения присяги могут присутствовать и свидетели, которые должны подтвердить эту клятву, при этом от них принесения клятвы не требуется. Уклонившийся от присяги признается виновным в совершении преступления.

Если преступление раскрыто и известен виновник, его родные и близкие предпринимают всяческие попытки к примирению с пострадавшей стороной, и так продолжается до тех пор, пока не будет получен положительный результат, — месяцы, годы и даже десятилетия. Нужно отметить, что в число парламентариев не могут входить родственники по отцовской линии, на которых распространяется кровная месть. Это могут быть или родственники по матери или любые уважаемые люди. Впрочем, есть категория людей, которые никогда не простят кровь, хотя и не будут мстить; их цель — чтобы объект мести жил в вечном страхе. Это тоже своего рода возмездие, так как до официального примирения он будет являться кровником.

При согласии пострадавшей стороны от крови можно было откупиться. С точки зрения мусульманского права прощение крови убитого — самое богоугодное деяние. Родственники убитого могут отказаться от возмездия, получив от него выкуп за убитого, эквивалентный стоимости ста верблюдов, или простить без всякого откупа [27, 482]. Нужно отметить, что по шариату самым лучшим для родственников убитого является прощение без всякого возмещения и только затем — прощение с получением материального возмещения.

Если же перемирие не состоялось, родственники убийцы соблюдают некий этикет поведения, предусмотренный для такой категории людей. Они не посещают свадьбы и похороны, на которых могут присутствовать родные убитого, женщины носят темную одежду. Избегают не только умышленной, но и случайной встречи. Ближайшие родственники убийцы вынуждены будут уволиться с работы и бросить учебу, не появляться в общественных местах, вести затворническую жизнь вплоть до примирения. Все эти обстоятельства заметно сказывается на семейном бюджете. В таких семьях женщины вынуждены работать, а мужчины же должны отсиживаться дома или покинуть республику и уехать «в никуда», чтобы их не выследили кровники, там устроиться на работу и присылать деньги семье. Все это время близкие родственники постоянно отправляют к кровникам миротворцев с просьбой примириться. Так продолжается до примирения или трагической развязки конфликта.

Мститель также должен соблюсти предписанные для такого случая нормы поведения. Так, согласно правилам ингушского обычного права, нельзя совершать возмездие, когда человек спит или беззащитен — безоружен, раздет, купается, находится в беспамятстве и др. В народе всегда порицалось вероломное убийство из-за угла, со спины, из засады, без предупреждения, не окликнув.

Ни тюремное заключение, ни естественная смерть кровника не являются поводом для прекращения кровной мести. О долге крови ингуши говорят: не спеши, но и не забывай. В тех случаях, когда умирает кровомститель, долг мести переходит к его сыну или брату. Случалось, кровь кровника находили через поколения, и вину предка искупал даже правнук. Во всех случаях не допускалось убийство женщин и детей. Считается, что лучше решить все вопросы, связанные с кровной мезтью, как можно быстрее, чтобы потомкам жилось спокойно. Это одинаково относится как к объекту мести, так и субъекту. Когда кровник умирает естественной смертью, не дождавшись

ни мести, ни прощения, под удар попадают его ближайшие родственники — отец, брат, сын, внук, а если таковых нет, то другие родственники-мужчины, преимущественно племянники покойного.

За жестокое преднамеренное убийство общество может подвергнуть остракизму родных убийцы. В некоторых случаях старейшины рода предлагают семье виновника трагедии и его близким покинуть место постоянного жительства в целях их безопасности. Чаще всего такой вариант бывает предложен тем, кто волею судьбы стал кровником семьи сильного рода, за которым закрепился термин «жестокое, плохие люди». Последнее не следует понимать дословно — это род, который не прощает обиду. Ингушская пословица гласит: «Пусть у меня будет кровная вражда с хорошими людьми, чем с плохими родство». Такие семьи чаще всего бывают непреклонны, и договориться с ними очень сложно. Требуется время, чтобы стихла боль, и откипели страсти.

Иногда стороны предпочитают просто разорвать отношения, пока виновник происшествия находится в заключении. Все это время родственники и члены примирительной комиссии будут делать все возможное для урегулирования конфликта, и если после окончания срока заключения перемирие не будет достигнуто, то виновники не смогут вернуться домой. В тех случаях, когда кровникам не удастся примириться, семья виновного на время или навсегда переселяется на другое место жительства.

Если же перемирие достигается, оно происходит по следующему сценарию. Процедуру примирения назначают после дневной пятничной молитвы, так как в это время в одном месте собирается большое количество прихожан. Примирение происходит вблизи соборной мечети, поскольку в молитвенном доме и во дворе мечети допускается только молебен, а прощение крови должно происходить за их пределами. На примирении кровников присутствуют только мужчины, женщины же не допускаются туда ни в качестве свидетелей, ни в качестве участниц этой церемонии. Гла-

ва рода объявляет, что с этого момента к убийце претензий нет, он прощает «кровника» и обнимает его. Клятвенно заверив, что если когда-либо и где-либо кто-то из родственников убитого нарушит сегодняшнюю договоренность, то род убитого за этого нарушителя ответственности не несет. Но в целом подобные случаи являются отклонением от общепринятой нормы и происходят крайне редко. От таких людей общество отрекается, они становятся изгоями, оказавшись клятвоотступниками.

После объявления о прощении по знаку посредников появляется группа мужчин во главе со старейшинами рода и членами примирительной комиссии. Они направляются в сторону пострадавшего рода медленно, с опущенными головами, молча. Мужчины становятся в шеренгу, кровники подходят к каждому из них,жимают руку, обнимаются и говорят: «Я прощаю тебя ради Аллаха (*аз пха битар хИона Давла духь*)», обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром [13]. При этом у ингушей в примирении кровников участие непосредственного виновника не обязательно, и в большинстве случаев процедура примирения происходит без самого обвиняемого, тогда как в соседней Чечне участие обвиняемого в обряде примирения кровников является одним из его обязательных элементов [28, 19]. Значительная часть нравственного воспитания и духовно-просветительской работы с населением проводится во время совершения обряда примирения кровников. Всем присутствующим разъясняется важность и ценность прощения с точки зрения ислама.

Каждое примирение приносит облегчение многим участникам конфликта, так как одним не надо больше скрываться, а другим бесконечно искать убийцу.

Таким образом, существование института примирительной комиссии на территории Республики Ингушетия свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии. Права человека могут быть закреплены в законодательстве той или иной страны, но для их реализации необходимо их соблюдение, исполнение, использование. Простое закрепление в уголовном законодательстве квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за убийство по мотиву «кровной мести», не останавливает мстителей. Следовательно, в современной России и регионах Северного Кавказа назрела необходимость противодействия преступности путем постепенного введения новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда. Нельзя не учитывать также, что восстановительное правосудие имеет на Северном Кавказе глубокие корни в традициях примирения, и, следовательно, отпадает необходимость в специальной подготовке лиц, способных осуществлять примирительные процедуры. Но для официального признания подобных общественных институтов предстоит преодолеть монополию правоохранительных органов и судов на разрешение конфликтов и криминальных ситуаций и восстановить доверие к местному обществу.

1. *Дмитриев В.А.* Адаты и шариат у кавказских горцев // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 107-127.
2. *Verdier R.* Le systeme vindicatoire // La Vengeance: Etudes d'ethnologie, d'histoire et de philosophie. Paris: Editions Cujas, 1980. Vol. 1. P. 1-174.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809.
4. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2.
5. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1992.
6. Петербургский филиал архива Академии Наук. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574.
7. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М., 1925.
8. Ингушские народные приговоры // Терские ведомости. 1907. № 97.
9. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши: Попул. очерк. М.; Л., 1925.
10. *Бобровников В.* Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5(13). С. 420-427.
11. Собрание Узаконений. 1928. № 141.
12. *Лебедева А.* Кровная месть // Южный репортер. 2005. 31 октября [сайт]. URL: <http://reporter-ifo.ru/681-krovnaia-mest.html>
13. Полевой материал автора (далее ПМА). 2010.
14. *Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января — 3 февраля. № 3(393) [сайт]. URL: <http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>
15. *Светова З.* Кто, почему и как мстит сегодня в России? // Радио «Абсолют». 03.10.2008 [сайт]. URL: <http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html>
16. *Левинсон Л.* А потерпевшим быть обязан // Индекс [журнал]. 2003. № 18 [сайт]. URL: <http://www.index.org.ru/journal/18/18-levinson.html>
17. *Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010. 27 января — 3 февраля. № 3(393) [сайт]. URL: <http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>
18. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.
19. *Патиев Я.* Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала, 2007.
20. ПМА. 2011.
21. *Цечоев Б.* Повышение «тарифа» за убийство как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя beslan_cechoev. 24.11.2010 [сайт]. URL: <http://beslan-cechoev.livejournal.com>
22. *Халип И.* «Ингушский синдром» // Белорусская деловая газета. 2004.04.06.
23. *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. М., 2007. Т. 1. С. 114-319.
24. *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892-1894 гг. М., 2008.
25. *Кардави Ш.Ю.* Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004.
26. *Косвен М.О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925.
27. *Албогачиева М.С.-Г.* Конференция мусульман Ингушетии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 480-488.
28. *Албогачиева М.С.-Г.* Из истории борьбы с кровной мстью // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 3-22.